

¹⁹ По вопросу управления запасами морских биоресурсов см. Vylegshnin A.N., Zil'lanov V.K. Management of Marine Living Resources: Some International Legal Questions//Moscow Symposium on the Law of the Sea. — USA, 1991. — P. 251–266.

²⁰ См. Water Resources Development Act of 1986.

О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ НОРВЕГИИ НА "ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ" ШПИЦБЕРГЕНА

А.М. Орешенков*

Далеко за Полярным кругом находится земля, официальное название которой – Свальбард. Российским читателям она известна как Шпицберген.

В течение длительного времени европейской истории этот северный архипелаг оставался никому не принадлежащей территорией. Во многом это объяснялось тяжелыми климатическими условиями, затруднявшими его эффективную оккупацию. Известно, что в XVII веке английские власти предложили группе преступников, осужденных на смертную казнь, возможность выбора – зимовать на Шпицбергене или понести наказание в Великобритании. Те выбрали последнее.

Только в начале XX века после обнаружения на Шпицбергене месторождений угля, пригодных для промышленной разработки, здесь появились первые поселки. Незадолго до этого, в 1871–1872 годах, архипелагу в результате обмена нотами между рядом европейских государств был придан статус "ничейной земли". Такой статус позволял гражданам и подданным заинтересованных стран в соответствии с нормами международно-правового обычая, установившегося на архипелаге, занимать здесь земельные участки, а затем осуществлять на этих участках и в их недрах хозяйственно-экономическую деятельность.

В 1910, 1912 и 1914 годах в Христиании (Осло) прошли международные конференции, целью которых были разработка конвенции о Шпицбергене и установление на архипелаге кондоминиума трех стран – Норвегии, России и Швеции. Одним из наиболее сложных и спорных вопросов, обсуждавшихся на этих конференциях, был вопрос об объеме прав лиц, занимавших земельные участки на архипелаге. На всех трех конференциях доминировала точка зрения России, согласно которой за такими лицами признавалось право срочного пользования земельными участками, в противовес позиции

* Аспирант Дипломатической академии МИД РФ.

Норвегии и Швеции, добивавшихся признания за ними прав собственности.

Позиция России нашла отражение в статье 41 проекта конвенции, где говорилось: "На земле Шпицбергена, которая постоянно остается общим достоянием, право занятия земли и пользования ею может быть достигнуто только в соответствии с условиями и ограничительными положениями данной конвенции".

Выбор такого определения статуса земель Шпицбергена можно объяснить тем, что после установления на Шпицбергене condominiuma Норвегии, России и Швеции вся сухопутная территория архипелага по условиям конвенции не могла быть собственностью ни одной из трех стран, она могла быть только общим достоянием. Кроме того, юридические и физические лица могли приобретать здесь земельные участки на условиях срочного пользования, но не в собственность. По условиям конвенции государства-участники могли приобретать земли только для научных, гуманитарных и религиозных целей.

Начавшаяся первая мировая война воспрепятствовала урегулированию вопроса о статусе Шпицбергена. Он был решен в 1920 году на Парижской мирной конференции, где был подписан многосторонний международный Договор о Шпицбергене. Суверенитет над архипелагом на условиях, определенных в этом договоре, был признан за Норвегией. В соответствии с положениями договора лица, занимавшие земельные участки до его подписания, получили возможность приобрести право собственности на них. Согласно статье 7 договора, остальные физические и юридические лица должны были получить возможность приобретать здесь такие же права.

Условия договора ограничивали правомочия норвежского государства над Шпицбергеном в части, касающейся распоряжения участками сухопутной территории архипелага¹. Договор, в принципе, не исключал возможности приобретения норвежским государством как юридическим лицом права собственности на земельные участки, предназначенные для хозяйственного использования, на тех же условиях, что и для других физических и юридических лиц стран — участниц договора, но не предусматривал возможности установления какого-либо рода "привилегий, монополий или льгот в пользу Государства или граждан/подданных одной из Высоких Договаривающихся Сторон, включая Норвегию" (ст. 8 договора).

Ключевым элементом реализации этих условий договора должен был стать производный от договора международно-правовой акт — Горный устав для Шпицбергена. Разработка этого документа, согласно статье 8 договора, была возложена на Норвегию.

Разработка Горного устава в соответствии с принципами договора никоим образом не соответствовала интересам норвежского государства. Более того, по мнению Министерства юстиции Норвегии, предоставление частным лицам и компаниям, занимавшим земель-

ные участки, в полном объеме тех прав, которые они приобрели до подписания договора, лишало всякого смысла приобретение норвежским государством суверенитета над архипелагом². Норвежская сторона ставила принятие суверенитета и возложенных на норвежское государство обязанностей в прямую зависимость от того, на каких принципах будет разработан Горный устав для Шпицбергена.

Заложенные в договоре принципы отличались от принципов норвежского горного законодательства, действовавшего на территории Норвегии с 1841 года. Так, если владельцы земельных участков, получившие право собственности в соответствии с положениями договора, могли заниматься любым видом хозяйственно-экономической деятельности на поверхности и в недрах своих земельных участков, то по норвежскому горному законодательству для занятия горнорудным промыслом предоставляются горные отводы на концессионных условиях. Горный устав был разработан главным образом на принципах норвежского горного законодательства с учетом положений Договора о Шпицбергене.

В результате разработки Горного устава для Шпицбергена на принципах, отличающихся от принципов договора, возник ряд новых особенностей режима архипелага. Одним из наиболее важных и одновременно спорных вопросов в ряду этих особенностей является вопрос о правомерности претензий норвежского государства относительно прав собственности на "государственные земли" архипелага.

Суть термина "государственные земли" в этом документе не раскрыта, что оставляет широчайшие возможности для его толкования с различных точек зрения.

Что подразумевается под этим термином — все земли архипелага или их часть, и если часть, то фиксированная или меняющаяся? Нет ясности также в вопросе о том, какие отношения собственности лежат в основе выдвигаемых Норвегией претензий о праве собственности на государственные земли. Круг подобных вопросов весьма широк. Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы выяснить, какой смысл удалось заложить норвежцам в разработанный ими Горный устав в отношении упоминавшегося выше права Норвегии.

Для выяснения вопроса об отношениях собственности необходимо прежде всего дать правовое определение понятия "участок под разработку" (*claim* — *англ.*, *utmaß* — *норв.*). В подпункте "с" пункта 2 § 12 Горного устава указывается: "Участок под разработку выделяется как участок площадью до 1000 га по желанию заявителя и в зависимости от вида месторождения. Как правило, участок под разработку будет выделяться в форме прямоугольного четырехугольника, длина и ширина которого устанавливаются самим заявителем с тем ограничением, что длина не должна превышать ширину в четыре раза. Отклонение от прямоугольной формы должно производиться по желанию заявителя, когда это предусматривается формой линии побережья или другими природными ограничительными ли-

ниями, и длина участка под разработку не будет превышать ни в каком направлении расстояние в 7 км. Границы участка площади под разработку отсчитываются вертикально вглубь”.

Если приобретение земельного участка по договору означает приобретение права заниматься любым видом хозяйственно-экономической деятельности на его поверхности и в его недрах, то в приведенном определении не содержится ответов на вопросы о том, что подразумевается под этим понятием, дает ли приобретение участка под разработку право на разработку полезных ископаемых, залегающих в его недрах, и право на его земную поверхность. Только сравнительный анализ положений Горного устава позволяет дать ответы на поставленные вопросы.

По Горному уставу для Шпицбергена обладание земельными участками дает право их владельцам заниматься горнорудным промыслом в пределах земельных участков в течение 10 лет со времени получения соответствующих документов. Только в течение этого срока в качестве владельцев земельных участков они обладают “исключительным правом ведения разведки и горнорудных работ” в пределах своих владений. В это время никто другой не имеет права без разрешения вести разведочные работы в пределах их земельных участков.

По истечении десятилетнего срока исключительное право владельцев земельных участков заниматься горнорудным промыслом меняется. Это означает, что на основании положений Горного устава владельцы земельных участков лишаются приобретенного до подписания договора и закрепленного в нем права заниматься горнорудным промыслом непосредственно в качестве владельцев земельных участков. В отношении других видов хозяйственной деятельности владельцы земельных участков сохраняют приобретенные до подписания договора права в полном объеме.

По истечении десятилетнего срока в соответствии с положениями Горного устава проведение разведочных работ и занятие горнорудным промыслом разрешаются на всех землях, где нет участков под разработку. Лишение владельцев земельных участков права заниматься горнорудным промыслом непосредственно в этом качестве означает, что любое другое юридическое или физическое лицо может заниматься горнорудным промыслом в пределах их земельных участков без их разрешения.

По Горному уставу любое частное лицо или компания может получить участки под разработку в пределах чужих участков земельной собственности без согласия их владельцев на основе получения разрешения горного инспектора. Прерогативой горного инспектора являются признание права заявителя на участок под разработку и

выдача соответствующего документа на него. Решение наиболее существенных вопросов взаимоотношений между владельцем земельного участка и держателем участка под разработку также опосредуется горным инспектором. Этим в значительной степени объясняется трудность юридического определения "участок под разработку".

Владельцы земельных участков, теряя право заниматься горнорудным промыслом непосредственно в качестве таковых, имели возможность заниматься горнорудным промыслом в пределах своих земельных участков, становясь держателями участков под разработку в пределах своих владений.

Если какое-либо другое юридическое или физическое лицо приобретало участки под разработку в пределах их земельных участков, владельцы могли участвовать в таких работах до $\frac{1}{4}$ их объема. Такая возможность предусмотрена главой IV Горного устава, регулирующей отношения между владельцем земельного участка и держателем участка под разработку.

В обоих случаях собственники земельных участков реализовали приобретенное до подписания договора право заниматься горнорудным промыслом опосредованно, через право срочного пользования участками под разработку, расположенными в пределах их земельных участков.

Статус всех участков под разработку и объем прав их держателей практически одинаковы, имеется только различие в размере выплачиваемых сборов. В соответствии с положениями Горного устава только держатели имеют исключительное право на ведение горнорудного промысла в пределах своих участков под разработку. Держатели получают участки под разработку на условиях срочного пользования. Если они в течение определенного времени не выполняют определенный Горным уставом объем работ, они теряют право пользования участками под разработку вне зависимости от того, расположены они на своих или чужих участках земельной собственности либо на "государственных землях".

Положения пункта 2 § 19 Горного устава предусматривают, что несогласие владельца участка земельной собственности с условиями участия в горнорудном промысле, предложенными держателем участка под разработку или горным инспектором, и отказ от них не лишают держателя права пользования участком под разработку. С другой стороны, владелец участка земельной собственности после того, как горный инспектор выдает держателю свидетельство на право пользования участком под разработку, сохраняет за собой возможность на основании права собственности заниматься любым видом хозяйственной деятельности (кроме горнорудного промысла) в пределах своего земельного участка.

Такое положение может существовать только в том случае, если понятие "участок под разработку" не включает право на земную поверхность. Участок под разработку по Горному уставу для Шпицбергена представляет собой абстрактную геометрическую площадь с привязкой к наземным географическим координатам. Границы участка под разработку идут вертикально в глубь земли. В их пределах держатель имеет исключительное право на ведение горнорудного промысла и добычу всех полезных ископаемых при условии соблюдения положений Горного устава.

Таким образом, суммируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что *участок под разработку представляет собой горный отвод³, который держатель приобретает на условиях срочного пользования.*

В результате разработки Горного устава на принципах, отличающихся от принципов договора, лица, занимавшие земельные участки до подписания договора, с одной стороны, были лишены приобретенного права заниматься горнорудным промыслом непосредственно в качестве собственников земельных участков, а с другой – оказались в искусственно созданном привилегированном положении, поскольку, вопреки принципам договора, только они приобрели исключительное право собственности на земельные участки. Из-за отсутствия процедур приобретения права собственности на земельные участки другие граждане и подданные стран – участниц договора лишены возможности приобретать право собственности на земельные участки на тех же условиях, что и первая группа лиц.

Таким образом, остается открытым вопрос о статусе оставшейся незанятой большей части земель архипелага, которые обычно называют государственными землями. Этот вопрос имеет ярко выраженную терминологическую окраску, поскольку при разработке Горного устава норвежцы подвергли эрозии ряд терминов договора, а кроме того, использовали некоторые другие термины, не давая им четких юридических определений. Прежде всего это те термины проекта конвенции и Договора о Шпицбергене, которые непосредственно связаны с терминологией Горного устава и играют важную роль в понимании проблемы государственных земель.

В первую очередь к таковым относятся используемый в Договоре о Шпицбергене термин "domaine public" (фр.) или "public lands/state land"⁴ (англ.), а в тексте Горного устава – "statens grunn" (норв.). Используемое в Горном уставе, это словосочетание переведено с норвежского языка на русский как "государственные земли". Однако определения государственным землям ни в § 7, ни в других параграфах Горного устава не дается, и, более того, этот термин в Горном уставе больше нигде не встречается.

Из терминов договора наибольший интерес представляют выражения "land", "property", "landed property" (англ.) и "fond de terre", "bien-fond", "terrain" (фр.), переведенные на русский язык одним термином – "земельные участки". В отличие от перевода на русский

язык, при переводе договора на норвежский язык были использованы три выражения: "grunnstykke" (земельный участок), "landområde" (участок суши, участок сухопутной территории) и "felt" (участок земельной площади). Следует также назвать употребляемое в договоре выражение "собственник земельного участка" – "owner of landed property" (англ.), "propriétaire d'un bien-fond" (фр.), "eier av grunnstykke" (норв.).

Терминология Горного устава формально следует терминологии проекта конвенции и Договора о Шпицбергене. Так, при определении земельного участка в статье 2 договора используется термин "property" (англ.), на норвежском языке в пункте 1 § 7 и § 35 Горного устава – "eiendom" (собственность).

По Горному уставу термин "государственные земли" предполагает взаимоисключающие варианты его понимания: с одной стороны, это земли, являющиеся национальным достоянием и принадлежащие норвежскому государству как субъекту международного права, а с другой – земли, принадлежащие норвежскому государству как юридическому лицу. Причем в английском варианте в первом случае акцент смещен в сторону норвежского государства как субъекта международного права, а во втором – как юридического лица.

В соответствии с пунктом § 7 Горного устава ведение разведочных работ разрешено "как на своей, так и на чужой собственности и на государственных землях". Но в уставе нет достаточно четких положений, определяющих, где можно приобретать горные отводы; § 35 устава предусматривает лишь возможность приобретения горных отводов на "своей собственности" в течение десятилетнего срока со времени получения надлежащего документа о праве собственности на земельный участок. Отсутствие соответствующих положений позволяет предположить, что горные отводы можно приобретать там, где разрешено ведение разведочных работ.

В Горном уставе имеются положения, определяющие отношения собственности только на одном из перечисленных в пункте 1 § 7 устава видов земель – на "чужой собственности"⁵. Они сформулированы в главе IV Горного устава "Об отношении к собственнику земли". В этой главе для характеристики отношений между собственником земельного участка и держателем горного отвода использовано отличающееся от терминологии договора понятие "собственник земли" ("proprietor of ground" – англ., "grunneier" – норв.), которое представляет собой синтез терминов "собственность" и "государственные земли". Такой синтез в сочетании с тем, что положения Горного устава определяют отношения собственности только на "чужой собственности", предполагает, что любой участок земли архипелага имеет своего собственника, а годные отводы можно

приобретать в пределах земель, которые уже находятся в чьей-либо собственности.

Как уже упоминалось, Горный устав предусматривает две формы занятий горнорудным промыслом: 1) в качестве держателя горного отвода и 2) в качестве собственника (земельного участка) земли, имеющего право участвовать в пределах $\frac{1}{4}$ объема работ держателя горного отвода. Если собственником земельного участка и держателем горного отвода является одно и то же лицо (как это, например, имеет место на земельном участке "Баренцбург", где одновременно в двух лицах выступает российское производственное объединение "Арктикуголь"), положения главы IV устава не применяются.

Согласно пункту 1 § 2 Горного устава, норвежское государство как юридическое лицо поставлено в равное положение с компаниями и частными лицами стран – участниц договора. Это распространяется и на право заниматься горнорудным промыслом. Отсутствие процедуры приобретения юридическими и физическими лицами права собственности на земельные участки на остающейся незанятой большей части земель архипелага, которую обычно называют государственными землями, в сочетании с указанными особенностями положений Горного устава позволяет норвежскому правительству как юридическому лицу выдвигать претензии о праве собственности на государственные земли. Эти претензии обычно подкрепляются ссылками на "полный и абсолютный суверенитет" Норвегии над архипелагом Шпицберген.

Изложенная в данной статье точка зрения по вопросу о праве собственности Норвегии на государственные земли архипелага Шпицберген будет неполной без объяснения ряда других проблем, связанных с Горным уставом. Для этого необходимо еще раз обратиться к тексту Договора о Шпицбергене и истории разработки Горного устава.

Исторический аспект разработки Горного устава тесно связан с разработкой договора и ратификацией последнего. 7 июля 1919 г. Верховный совет Парижской мирной конференции учредил специальную Шпицбергенскую комиссию, в состав которой вошли представители Великобритании, Италии, США и Франции. В задачу комиссии входила разработка Договора о Шпицбергене. Комиссия завершила эту работу к середине сентября 1919 года.

Положения договора предусматривали введение Горного устава в действие после вступления в силу самого договора. В соответствии со статьей 8 договора Норвегия должна была представить проект Горного устава странам – участникам договора за три месяца до предполагаемой даты его вступления в силу. Если хотя бы одна из них пожелала бы внести в него изменения, норвежское правительство должно было бы сообщить о них правительствам договариваю-

щихся сторон и созвать международную комиссию, состоящую из девяти членов – по одному представителю от каждой страны – участницы договора. Эта комиссия должна была принять решение относительно возможных изменений текста Горного устава простым большинством голосов.

25 сентября 1919 г. Верховный совет Парижской мирной конференции направил текст Договора о Шпицбергене правительству Норвегии на ознакомление. Норвежское правительство после его изучения заявило заинтересованным странам о том, что оно направит проект Горного устава на рассмотрение другим государствам как можно скорее по соображениям конституционного и парламентского порядка. Согласно внутреннему законодательству, договор и Горный устав необходимо было представить на ратификацию одновременно. Такой подход, предполагающий разработку Горного устава до введения в действие договора, без возражений был принят странами – участницами договора.

Для достижения желаемого результата норвежское правительство избрало противоречащий договору путь односторонних консультаций по проекту Горного устава со странами, имевшими наибольшие интересы на Шпицбергене. Сам договор был подписан 9 февраля 1920 г., а уже 26–27 марта того же года норвежцы провели первые переговоры со шведами, после которых аналогичные "консультации" были проведены с англичанами. И те, и другие высказали ряд замечаний. Все замечания, не имевшие принципиального значения, были учтены в окончательном тексте проекта Горного устава. Только в сентябре 1921 года проект Горного устава был разослан всем странам – участницам договора.

На этой стадии с рядом возражений принципиального характера выступили Нидерланды. Так же как и Великобритания, они утверждали, что статья 6 договора предусматривала исключительное право собственников земельных участков на горнорудный промысел. Норвежцам путем односторонних действий в августе 1922 года удалось снять эти возражения. Последней страной, заявившей в августе 1923 года о своем согласии с текстом проекта Горного устава, была Дания.

Таким образом, разработка международно-правового по своей сути документа – Горного устава для Шпицбергена – велась в соответствии с общепринятыми нормами международного права, чего не требуется при разработке актов внутреннего законодательства. Вместе с тем, несмотря на возражения против некоторых положений проекта нескольких государств, норвежское правительство не сообщило о них другим странам (хотя и внесло в проект некоторые изменения) и не созвало международную комиссию для выработки текста Горного устава.

Норвегия была предпоследней страной, ратифицировавшей Договор о Шпицбергене 8 октября 1924 г., после того как договор ратифицировали страны, имевшие интересы на Шпицбергене. Вслед за тем 2 апреля 1925 г. договор ратифицировала только Япония, не имевшая никаких интересов на Шпицбергене. 15 июля 1925 г. стортинг (парламент) Норвегии принял "Закон о Свальбарде". В § 4 этого закона, в частности, говорилось о том, что король может издавать предписания о горнорудном промысле. В сноске к этому положению закона говорится о том, что в число этих предписаний входит Горный устав для Шпицбергена, то есть с точки зрения норвежского права Горный устав рассматривается как документ внутреннего законодательства.

Норвежцы подходят к толкованию вопроса о государственных землях Шпицбергена с позиций внутреннего законодательства. В первом абзаце § 22 "Закона о Свальбарде" говорится: "Все земли, которые не признаются за кем-либо в собственности по договору о Свальбарде, являются государственными землями и как таковые подчинены праву собственности государства". Как указывалось выше, определения государственным землям в Горном уставе не дается, и страны – участницы договора, знакомые с проектом конвенции о Шпицбергене, рассматривали этот термин, видимо, с позиций конвенции⁶.

В зависимости от подхода к оценке Горного устава – как документа международного права или как акта внутреннего законодательства – решается ряд других вопросов. К их числу относятся, например, вопрос о языке Горного устава; о территории, на которой он действует; о том, в каком суде – международном, третейском или норвежском – обжалуются решения горного инспектора о выделении горных отводов.

Но, пожалуй, самым сложным является вопрос о статусе горного инспектора. В Горном уставе отсутствует процедура назначения нового горного инспектора и финансового обеспечения его деятельности. Некоторые положения Горного устава лишь позволяют предположить, что таковой является служащим норвежского государства, а не международным чиновником, выполняющим свои обязанности в соответствии с функциями, определенными Горным уставом.

Вместе с тем в Горном уставе отсутствует разграничение компетенции между горным инспектором и норвежским государством в вопросах приобретения частными лицами и компаниями права пользования горными отводами. Если по договору о Шпицбергене международный чиновник (комиссар) лишь признавал права юридических и физических лиц на земельные участки, а норвежское государство выдавало действительные документы об исключительном

праве собственности на них, то по Горному уставу горный инспектор признает за потенциальными держателями права на горные отводы (п. 1 § 12) и выдает документы о праве пользования ими (п. 4 § 12). Против данного положения Горного устава не выдвинула возражений ни одна из стран – участниц договора, хотя разграничение компетенции между горным инспектором и норвежским государством при решении указанного вопроса в значительной степени сняло бы противоречия в подходах к оценке Горного устава.

В качестве выводов можно сказать, что в результате разработки Горного устава на принципах, отличающихся от принципов договора, в правовой режим Шпицбергена не был "встроен" правовой механизм, регулирующий вопросы приобретения права собственности на земельные участки на государственных землях в соответствии с нормами международного права, реализуемыми без трансформации во внутреннее норвежское законодательство. Эрозия терминологии Договора о Шпицбергене, допущенная при разработке Горного устава, в сочетании с положениями, лишь предполагающими регулирование отношений собственности общепринятым образом, привела к тому, что, согласно Горному уставу, презюмируется право собственности норвежского государства как юридического лица на государственные земли архипелага Шпицберген.

Особую сложность решению вопроса о государственных землях придает то, что производный от Договора о Шпицбергене документ международного права – Горный устав – был введен в действие и рассматривается с позиций норвежского права как акт внутреннего законодательства. В разработанном норвежцами Горном уставе ряд терминов и положений не имеет четкой и однозначной юридической определенности. Возможность их толкования с различных позиций делает весьма затруднительным понимание особенностей режима архипелага Шпицберген.

Перечисленные проблемы правового характера сами по себе не представляли бы большого политического интереса, однако они связаны с вопросом о режиме шельфа Шпицбергена, где по многим признакам предполагаются крупные запасы природного газа и нефти.

¹ Подробнее см. **Орешенков А.М.** Особенности международно-правового режима Шпицбергена//Московский журнал международного права. – 1992. – № 3.

² Здесь и далее исторический аспект рассматриваемой в статье проблемы дается по: **Mathiesen T.** Svalbard In The International Politics 1871–1925. – Oslo, 1947.

³ Горный отвод в РФ – участок недр, предоставленный в пользование предприятию, организации для промышленной добычи (разработки месторождений) полезных ископаемых или размещения объекта, не связанного с добычей

полезных ископаемых (хранилище, склад, холодильник и т.п.). При наличии на участке различных полезных ископаемых горные отводы выдаются для каждого из них. Разработка месторождений за пределами горного отвода запрещается (см. **Юридический энциклопедический словарь**//Под ред. А.Я. Сухарева. – 2-е доп. изд. – М., 1987. – С. 80).

⁴ В текстах Горного устава, изданных на английском языке в разные годы, использованы различные термины.

⁵ Каких-либо других положений, регулирующих те же отношения на других видах земель, в Горном уставе нет.

⁶ См. § 22 "Закона о Свальбарде" в сравнении со статьей 41 проекта конвенции о Шпицбергене.